

Особенности религиозности и веры представителей «Информационного» и «Нового» поколений

Пищик В.И.

**ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» (ФГБОУ ВО ДГТУ);
ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (ФГАОУ ВО ЮФУ),
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3909-3895>, e-mail: vladaph@yandex.ru**

Лобачева А.О.

**ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» (ФГБОУ ВО ДГТУ),
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6582-9125>, e-mail: nastyia.lobacheva.18@bk.ru**

Цель. Сравнение ценностных оснований веры, объектов веры, веры в заговоры, уровня религиозности у представителей «Информационного» (Y) и «Нового» (Z) поколений.

Контекст и актуальность. При условии разрушения традиционных ценностей, утраты смыслов, межпоколенческого разрыва, кризиса религиозных институтов возникает проблема религиозной определенности молодых поколений. Отмечается низкая религиозность молодого поколения, разрыв внешней и внутренней религиозности. Поколенческий подход в изучении религиозности мало представлен в исследованиях. Высока актуальность изучения особенностей религиозности и веры представителей поколений в транзитивном обществе.

Дизайн исследования. Исследование проводилось с помощью социально-психологического опроса. Данные были проанализированы факторным анализом, методами определения значимости различий показателей.

Участники. Ученики средней школы (150 чел., 53% девушек и 47% юношей в возрасте от 14 до 17 лет) — «Новое» поколение; студенты первых курсов вузов (140 чел., 50% девушек и 50% юношей в возрасте от 19 до 23 лет) — «Информационное» поколение, г. Ростов-на-Дону.

Методы (инструменты). Методика измерения типов ментальности; методика измерения ценностей через страхи; методика «Вера в заговор»; шкала ранжирования объектов веры; анкета измерения религиозности. Применялся пакет прикладных программ SPSS-20.0 для обработки результатов.

Результаты. У представителей «Информационного» и «Нового» поколений преобладает инновационная ментальность, архетипы находятся в переходной зоне от традиции к инновации; ценность «Мистического» менее выражена у «Информационного» поколения; представители обоих поколений в наибольшей мере верят в чудеса, Бога, рай и жизнь после смерти; в наименьшей степени — в НЛО, привидения и колдовство. Представители обоих поколений верят в заговоры: представители «Информационного» поколения — в политический, фармацевтический заговоры и в тайные организации, а представители «Нового» поколения — в информационный, политический и продуктовый заговоры. Представители «Информационного» поколения считают, что духовность и вера очень важны в жизни, но не придерживаются никакой религиозной веры, считают себя духовными. Религиозность в обеих группах слабая.

Основные выводы. Обнаружено противоречие между объектами веры, духовностью и религиозностью в группах поколений. Это свидетельствует о том, что у представителей исследуемых поколений религиозность имеет незрелые формы.

Ключевые слова: религиозность, архетипы, мистическое, объекты веры, вера в заговоры, ценности, «Информационное» поколение, «Новое» поколение.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 22-28-00520.

Благодарности. Авторы благодарят за помощь в сборе данных для исследования научного руководителя проекта М.И. Постникову.

Для цитаты: Пищик В.И., Лобачева А.О. Особенности религиозности и веры представителей «Информационного» и «Нового» поколений // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 1. С. 70–86. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2022130105>

Features of Religiosity and Faith of Representatives of the “Information” and “New” Generations

Vlada I. Pishchik

Don State Technical University; Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3909-3895>, e-mail: vladaph@yandex.ru

Anastasia O. Lobacheva

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6582-9125>, e-mail: nastyia.lobacheva.18@bk.ru

Objective. *Comparison of the value bases of faith, objects of faith, belief in conspiracies, the level of religiosity among representatives of the “Information” and “New” generations.*

Background. *If traditional values are destroyed, meaning is lost, there is an intergenerational gap, and religious institutions are in crisis, the problem of religious certainty for young generations arises. There is a lack of confidence in the younger generation, a gap between external and internal religiosity. The generational approach to the study of religiosity is poorly represented in research. It is highly relevant to study the features of religiosity and faith of representatives of generations in a transitive society.*

Study design. *The study was conducted using a socio-psychological survey. The data were analyzed by factor analysis, methods for determining the significance of differences in indicators.*

Participants. *Secondary school students (150 people, 53% girls and 47% boys from 14 to 17 years old) are the “New” generation; first-year university students aged 19 to 23 years (140 people, 50% girls and 50% boys) are the “Information” generation of Rostov-on-Don.*

Measurements. *Method of measuring types of mentality; method of measuring values through fears; method of “Belief in a conspiracy”; scale of ranking objects of faith; questionnaire for measuring religiosity. The SPSS-20 application software package was used. to process the results.*

Results. *In both groups, the innovative mentality prevails, archetypes are in the transition zone from tradition to innovation; the value of the “Mystical” is less pronounced in the “Information” generation; representatives of both generations believe more in miracles, God, Paradise and life after death; to a lesser extent – in UFOs, ghosts and witchcraft. Representatives of the “Information” generation believe more in political, food and pharmaceutical conspiracies. Representatives of the “New” generation believe more in information and food conspiracies. The “Information” generation believes that spirituality and faith are very important in life, but they do not adhere to any religious faith, they consider themselves spiritual. The degree of religiosity in both groups is weak, but prevails in the group of the “New” generation.*

Conclusions. *There is a contradiction between the objects of faith, spirituality and religiosity. This indicates that the representatives of the studied generations have immature forms of religiosity.*

Keywords: *religiosity, archetypes, mystical, objects of faith, belief in conspiracies, values, "Information", "New" generation.*

Funding. The reported study was funded by Russian Science Foundation (RSF), project number 22-28-00520.

Acknowledgements. The authors are grateful for assistance in data collection Postnikova M.I.

For citation: Pishchik V.I., Lobacheva A.O. Features of Religiosity and Faith of Representatives of the "Information" and "New" Generations. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022. Vol. 13, no. 1, pp. 70–86. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2022130105> (In Russ.).

Введение

Сегодня можно наблюдать две противоречивые тенденции в обществе: институты религии находятся в кризисе, при этом религиозность трансформируется в иные формы, актуализирующие ее в обществе [1; 2; 12; 30]. Идет тенденция к снижению значимости нравственно-этических ценностей в различных культурах [14; 28; 35; 51]. Разрушение сообществ приводит к «выдуманной идентичности», мы переходим от эпохи «референтных групп» к эпохе «одиночек» [1]. Если нет сообщества, если для человека важнее индивидуализированные ценности, то он не может принять общие религиозные догматы [7]. В других исследованиях отмечается, что за последние годы не произошло никакого роста религиозности молодежи [19]. Там, где у человека утрачена рамка жизни, он сталкивается с «обществом текучей современности» [1], «транзитивным» обществом [12; 24], миром угрозы небытия [49]. Вместе с тем осмысление жизни, кризисы могут приводить молодых людей к религии, которая возникает из переживания «иррациональности мира» и человеческой жизни [3; 5; 9; 31]. Зрелость внутренней религиозности человека определяется проявлением целостности взглядов, устойчивостью убеждений, осмысленностью жизненных целей [29].

В последние десятилетия доминирующий подход к психологии религии был эмпирическим [22; 26; 36]. Исследуются

религиозный, мистический опыт в связи с возрастом и гендером [20; 34; 37], индивидуальные различия и типологии религиозного опыта [11; 33], связь между психическим здоровьем и религией [45], развитие религиозности детей [40], нейропсихологическая основа религии, связь между религиозными установками и экономическим поведением [39], типами и процессами обращения в религиозную веру и харизматическими явлениями, такими как молитва [4; 43; 53], особенности религиозного сознания молодежи [10; 18], развитие духовности [46; 48] и др.

Религия меняет свою функцию в обществе. «Видимые и невидимые религии» [3], официально признанные конфессии борются с сектами [27]. Наблюдается распространение радикальных религиозных течений [17]. В интернете активно продвигаются представления неверующих (игнорирование притязаний и проблем, связанных с Богом) и атеистов (отрицание концепции Бога или богов) [36]. Избегая стен церкви, молодые люди участвуют в различных тренингах, группах встреч, в сетевых сообществах, в которых они ищут смыслы жизни. В этом может выражаться «невидимая религия» [6]. Следовательно, сегодня религия приобретает новые формы. Происходит секуляризация религии в кризисе, отмечается новый подъем влияния религии на развитие общества [19; 23; 36; 44].

Религиозность может оказывать как положительное, так и отрицательное воз-

действие на жизнь людей, в зависимости от того, как она утверждается [32; 42]. Религиозные люди отличаются от нерелигиозных людей тем, что придерживаются более строгих моральных установок и тратят больше времени на добровольную и неформальную помощь [39].

Существует проблема поиска оснований укоренения религии среди людей разных стран, культур, возрастов и пола, но мало представлен поколенческий подход, в котором акцентируются вопросы преемственности религиозности. В данной работе авторы придерживаются предложенной ими ранее типологии поколений: «Традиционное» — 1947–1964 гг. рождения (аналог американского «baby boom» поколения); «Переходное» — 1965–1982 гг. р. (X поколение); «Информационное» — 1983–1999 гг. р. (Y поколение); «Новое» — 2000–2017 гг. р. (Z, или iGen поколение) [14].

Было показано, что представители поколения Z (молодые американцы) малорелигиозны [52]. Отмечаются разрыв и утрата связи культурных ценностей между представителями поколений Y и Z американцев и китайцев [47]. Выявлено, что членство в церкви и религиозность гораздо менее распространены у молодых голландцев (Y поколение), чем в поколении их родителей (X поколение) [39]. Было также зафиксировано, что в России доля тех, кто регулярно посещает религиозные службы, уменьшается, начиная с поколения миллениалов (1982–2000 г.р.) [16].

Позиционирование религиозных организаций в интернете растет. Можно отслеживать преемственность отношения к религии посредством изучения составляющих ментальности.

Подростковый возраст представителей «Информационного» — Y (1983–1999 гг. рождения) поколения пришелся на перестройку, когда наблюдалось воз-

рождение религиозности в России, восстанавливались храмы, но при этом росло число реакционных, протестных, отвергающих любую духовность сообществ. Родители представителей Y поколения не могли открыто предъявлять свои религиозные предпочтения и декларировали атеизм. Поэтому представители Y поколения не всегда ориентировались в религиозном культе. Далее «Новое» — Z поколение еще больше утрачивало, как мы предполагаем, религиозную традицию.

Подростковый возраст представителей Z поколения (2000–2017 гг. рождения) сопровождался следующими событиями: прошла Олимпиада, был присоединен Крым, на Украине произошла смена власти, начались санкции против России, развернулся финансовый кризис, сегодня пришел COVID-19. В этот период обнародовались скандалы вокруг Ватикана (2010–2011 гг.) о непристойном поведении многих священников, велись расследования убийства журналистов во Франции (2012 г.), представивших карикатуры на исламские ценности, и др. Тревожность населения возрастает. Предполагаем, что данные события не повышают стремление к религиозности молодых.

Представляет научный интерес исследование особенностей религиозности и веры представителей Y, Z российских поколений. Актуальность определила **цель исследования** — сравнение ценностных оснований веры, объектов веры, веры в заговоры, уровня религиозности у представителей Y и Z поколений (Ростовская область).

Метод

Схема проведения исследования. Исследование проводилось с помощью

социально-психологического опроса. **Гипотезы исследования:** Н1. Ценностные основания веры и религиозности статистически значимо различаются у представителей Y и Z поколений; Н2. Объекты веры статистически значимо отличаются у представителей Y поколения от представителей Z поколения; Н3. Виды веры в заговоры статистически значимо отличаются у представителей Y поколения от представителей Z поколения; Н4. Степень религиозности у представителей Y поколения выше, чем у представителей Z поколения.

Выборка исследования. 1 группа — Y поколение: студенты, 140 чел. — 50% девушек и 50% юношей в возрасте от 19 до 23 лет, отдельные члены семей представителей этого поколения привержены православной вере. 2 группа — Z поколение: школьники, 150 чел. — 53% девушек и 47% юношей в возрасте от 14 до 17 лет, их отдельные члены семьи — приверженцы православной веры. Исследование проводилось в г. Ростове-на-Дону. Для рандомизации выборки применялся метод урны. В урне были карточки с номерами и пустышки. Выбор карточки определял участие в исследовании.

Методы исследования. Методика измерения типов ментальности (МИТМ) [14]; методика измерения ценностей через страхи [15]; методика «Вера в заговоры» [14]; авторская шкала ранжирования объектов веры; анкета выявления степени религиозности [44].

Обработка данных. Применялся пакет статистических программ SPSS 20.0. Использовались критерий различий Манна-Уитни, критерий Фишера, критерий Уилкоксона, эксплораторный факторный анализ.

Методика измерения типов ментальности состоит из 30 незаконченных предложений, объединенных по 5 выска-

зываний в шести блоках. Каждый блок соответствует определенной шкале: «архетипы», «образ мира», «образ жизни», «стиль мышления», «отношения», «взаимодействия». Предназначение данной методики — в определении принадлежности личности к одному из четырех типов ментальности, выделяемых автором: традиционный, инновационный, переходный, постинновационный [14]. Традиционная ментальность включает ценности горизонтального коллективизма и предполагает следование традициям, более дружественные отношения между людьми, которые ориентированы на коллективные цели. Инновационная ментальность основана на ценностях вертикального индивидуализма, предполагает более закрытые отношения между людьми, активную позицию в жизни, рациональность, ориентацию на личные достижения. Переходная ментальность основана на ценностях вертикального коллективизма, на более жесткой иерархии в отношениях. Постинновационная ментальность основана на ценностях стабильности и горизонтального индивидуализма. Методика валидирована в 2010 г. [15].

Методика измерения ценностей через страхи. Согласно нашим исследованиям, возникновение страха — ответная реакция на угрозу значимым для человека ценностям. В основу разработанной нами методики ценностных измерений страхов положено исследование значимости для личности угроз таким категориям, как: «Я», «Другие», «Природа», «Культура», «Технологии», «Мистическое». Методика состоит из двух частей. В первой предлагается проранжировать ценности по степени значимости для испытуемого. Во второй — оценить наличие у индивида актуальных страхов, представленных в таблице. Обработка осуществляется путем подсчета средних

значений по предпочитаемым ценностям и выраженным страхам.

Методика «Вера в заговор» содержит 11 утверждений, каждое из которых соотносится с верой в определенный вид заговора: общественный, политический, государственный, фармацевтический, продуктовый заговоры, вера в тайную деятельность, тайные организации, клонов, пришельцев, глобальность, конец света. Респондентам следует оценить степень своего согласия с предлагаемыми утверждениями по прилагаемой шкале оценки. Методика валидизирована в 2017 г. [13].

Шкала ранжирования объектов веры позволяет оценить направленность веры различных групп людей. Испытуемым предлагаются 17 категорий различных феноменов и явлений: Бог, чудеса, рай, Иисус, ангелы, существование души после смерти, воскрешение Иисуса, ад, непорочное зачатие, дьявол, дарвиновская теория эволюции, привидения, креационизм, НЛО, астрология, колдовство, ре-

инкарнация. По каждой из приведенных категорий респонденты должны указать, верят ли они в нее или нет.

Анкета выявления степени религиозности включает три вопроса: «Считаете ли Вы себя религиозным или духовным?»; «Насколько важна религия, духовность или вера в Вашей жизни?»; «И если Вы религиозный, к какой религии Вы принадлежите?». Оценки от 0 до 10 баллов.

Результаты

Выявлено, что у представителей поколений Y и Z преобладает инновационная ментальность по сравнению с другими типами ментальности. Сравнение показателей представителей различных групп между собой показало, что в группе представителей поколения Z более выражены архетипы традиционной и переходной ментальности, а у представителей поколения Y – инновационной (табл. 1).

Таблица 1
Составляющие ментальности: средние значения и значимость их различий между поколениями

Составляющие ментальности	Типы ментальности							
	Традиционный		Инновационный		Переходный		Постинновационный	
	Тип поколения							
	Y	Z	Y	Z	Y	Z	Y	Z
	Средние баллы по группе							
Архетипы	1	6	6	2	4	6	4	2
Образ мира	3	3	11	10	3	1	3	4
Образ жизни	3	2	13	11	1	5	3	0
Стиль мышления	5	3	8	9	3	5	4	3
Отношения	6	6	5	4	6	2	3	8
Взаимодействия	5	2	10	1	3	4	1	3
M	4,33	3,33	8,50	5,67	3,67	3,67	3,17	4,00
SD	1,21	1,51	3,51	5,01	1,97	2,25	1,94	2,76
W – критерий Уил-коксона $p < 0,01^{**}$	0,90**		0,95**		0,85**		0,91**	

Ценностные основания религиозности мы определяли через иерархию ценностей поколений. В табл. 2 представлены результаты по измерению ценностей через страхи. Наше внимание сосредоточено на ценности «Мистического», которая непосредственно связана с верой.

Статистически значимыми различиями у двух поколений являются только отличия в отношении к ценности «Культуры» и к ценности «Мистического». Наибольшую значимость для представителей поколения Y представляют следующие ценности (в порядке убывания): «Природа», «Культура» и «Я»; наименьшую – «Технологии». Для представителей поколения Z более ценными были: «Я», «Природа», «Культура», в то время как «Мистическое» имеет меньшую ценность. Гипотеза H1 доказана.

Далее респондентам задавался вопрос: «Религия имеет свои истоки в природе или культуре?». Большинство в группе представителей Y поколения (80%) ответили, что в культуре. Большинство в группе представителей Z поколения (78%) ответили, что в природе.

Согласно полученным эмпирическим данным, в результате проведения методики «Вера в заговор» установлено, что представители поколения Y в большей степени верят в заговоры со стороны: фармацевтических компаний; политиков; тайных организаций; производителей продуктов питания. Специфика веры в заговоры представителей поколения Z состоит в их убеждении в ограниченности информационных потоков для широких кругов общественности. Статистически значимым различием между поколениями является вера в заговор фармацевтических компаний, политиков; тайные организации; продуктовый и информационный заговоры (табл. 3).

Как видно, представители поколения Y в наибольшей степени верят в фармацевтический, политический и продуктовый заговоры. Представители Z поколения – в информационный и продуктовый заговоры. Гипотеза H2 доказана.

Исследуя объекты веры, мы установили следующее (табл. 4).

Представители обоих поколений в наибольшей степени верят в чудеса,

Таблица 2

Ценности: средние значения и значимость их различий между поколениями

Виды ценностей	Тип поколения	M	SD	U – критерий Манна-Уитни
Ценность Я	Y	14,3	2,53	191,5
	Z	14,35	2,15	
Ценность других	Y	13,15	4,62	145,5
	Z	14,15	3,19	
Ценность природы	Y	14,75	1,58	172,0
	Z	14,25	2,14	
Ценность технологий	Y	11,15	2,68	174,5
	Z	11,55	2,78	
Ценность мистического	Y	12,70	3,11	99,5**
	Z	9,80	3,44	
Ценность культуры	Y	14,70	3,54	117,5*
	Z	12,75	2,75	

Примечание: * – $p \leq 0.05$, ** – $p \leq 0.01$.

Таблица 3

Вера в заговоры: средние значения и значимость их различий между поколениями

Вера в заговоры	Тип поколения	M	SD	W – критерий Уилкоксона
Информационный заговор	Y	49,5	31,36	0,95**
	Z	70,5	23,05	
Политический заговор	Y	70	15,4	0,85**
	Z	60	17,16	
Государственный заговор	Y	54	29,45	0,90
	Z	45,5	19,86	
Тайная деятельность	Y	62	26,07	0,93
	Z	34,5	21,87	
Тайные организации	Y	67,5	30,24	0,81**
	Z	46,5	14,24	
Фармацевтический заговор	Y	73,5	17,55	0,93**
	Z	58	20,15	
Продуктовый заговор	Y	67,5	24,68	0,93**
	Z	66,5	22,77	
Вера в клонов	Y	34	23,70	0,89
	Z	26,5	18,71	
Вера в пришельцев	Y	41	34,77	0,89
	Z	28	21,66	
Вера в глобальное потепление или глобальное похолодание	Y	37,5	24,89	0,94
	Z	35,5	19,04	
Вера в конец света	Y	19,5	22,58	0,81
	Z	27,5	15,85	

Примечание: ** – $p \leq 0.01$.

Бога, рай и жизнь после смерти; в наименьшей степени – в НЛО, привидения и колдовство.

Статистически значимые различия между поколениями наблюдаются в вере в следующие явления: Иисус, ангелы, воскрешение Иисуса, ад, дьявол, НЛО. При этом вера в Бога и в рай по частоте встречаемости у представителей обоих поколений статистически не различаются. Гипотеза H3 доказана.

Применение эксплораторного факторного анализа показало следующее. В группе представителей Y поколения четыре

фактора составили 82,25% дисперсии. 1-й фактор нагружен переменными: Бог (вес=0,91), Иисус (0,89), рай (0,91), вера в ангелов (0,91), вера в дьявола (0,91), бес-смертные души (0,91). Фактор полностью отражает содержание библейской истории. 2-й фактор представлен переменными: вера в государственный (0,78), информационный (0,74) и политический (0,66) заговоры, а также ценность «Природы» (-0,32) и недоверие к государственности при значимости природных богатств страны. 3-й фактор: вера в клонов (0,68) и пришельцев (0,74), вера в тайные организации (0,66) и

Таблица 4

Объекты веры: средние значения и значимость их различий между поколениями

Объекты веры	Тип поколения				Ф-критерий Фишера
	Y		Z		
	N	Доля, %	N	Доля, %	
Бог	17	85	14	70	1,13
Чудеса	18	90	18	90	0**
Рай	17	85	14	70	1,13
Иисус	16	80	11	55	1,72**
Ангелы	17	85	11	55	2,13*
Существование души после смерти	17	85	14	70	1,13
Воскрешение Иисуса	16	80	9	45	2,35**
Ад	15	75	9	45	1,97**
Непорочное зачатие	14	70	10	50	1,30
Дьявол	17	85	12	60	1,81**
Дарвиновская теория эволюции	15	75	11	52	1,33
Привидения	13	65	9	42	1,27
Креационизм	13	65	9	45	1,27
НЛО	14	70	8	40	1,93*
Астрология	14	70	9	45	1,61
Колдовство	13	65	8	40	1,60
Реинкарнация	14	70	10	50	1,30

Примечание: * – $p \leq 0,05$, ** – $p \leq 0,01$.

тайную деятельность (0,65), ценность «Я» (0,57). 4-й фактор: переходный архетип (0,71), ценности «Природы» (0,63), «Культуры» (0,64) и «Мистического» (0,60).

В группе Z поколения четыре фактора составили 80,65% дисперсии. 1-й фактор нагружен следующими переменными: Иисус (0,84), Бог (0,72), рай (0,72), ангелы (0,82), воскрешение Иисуса (0,75), ад (0,67). Фактор по некоторым позициям совпадает с содержанием 1-го фактора группы «Информационного» поколения – основные позиции религиозного учения. 2-й фактор: ценности «Культуры» (0,81), «Других» (0,80), «Технологий» (0,72), «Природы» (0,71), «Мистического» (0,66). Данный фактор отражает ценностные основания мировоззрения представителей поколения Z. 3-й фак-

тор включил переменные: колдовство (0,80), астрологию (0,74) и дарвиновское учение об эволюции (0,74). Фактор объединил несовместимые вещи, что может указывать на неустойчивость в данных вопросах. 4-й фактор объединил веру в клонов (0,82) и пришельцев (0,77), в государственный заговор (0,65) в сочетании с переходными архетипами (0,63).

Исследование самооценки религиозности выявило следующее. На вопрос «Считаете ли Вы себя религиозным?» лишь 10% представителей поколения Y ответили утвердительно, остальные респонденты этой поколенческой группы давали такие ответы: «Я равнодушна, просто отношусь нейтрально»; «Нет, я не считаю себя религиозным человеком»; «У меня верующая семья, но это не мое»; «Я считаю, что вера

для «слабых» людей» и т.д. По сравнению с представителями поколения Z, которые в 60% случаев ответили «да», представители поколения Y, по их мнению, являются менее религиозными.

На вопрос «Считаете ли Вы себя духовным?» 40% представителей поколения Y поколения ответили «да»: «Духовность и вера максимально важна в моей жизни, без нее меня бы просто не было»; «Вера иногда облегчает жизнь, духовность наполняет человеческую жизнь» и т.д. На тот же вопрос утвердительно ответили 60% представителей поколения Z.

Исходя из представленных результатов, можно констатировать, что представители поколения Z более религиозны: «Религия дает силу и уверенность», «Без религии общество погибнет», «Религия укрепляет семью». Встречались и такие высказывания: «Религию каждый понимает по-своему», «Я не могу сказать, что я религиозна, но считаю, что каждый во что-то верит. Я верю во вселенную, ее законы»; «Я являюсь верующим человеком. Бог играет большую роль в моей жизни»; «Меня крестили в детстве, но я занимаю нейтральную позицию между православием и атеизмом»; «Считаю, что религия дает некую надежду и не дает отчаяться»; «Мне кажется, что религиозные люди куда счастливее атеистов» и т.д. Таким образом, гипотеза H4 не подтвердилась.

Обсуждение результатов

Архетипы — структурирующий элемент религиозного феномена [8; 38; 50]. Мы обнаружили, что архетипы респондентов находятся в традиционной, переходной и инновационной ментальности, что может свидетельствовать о том, что религиозность у них неустойчива. Это может быть связано с тем, что инновационная менталь-

ность преобладает в обеих группах, выражаясь в большей свободе, нестабильности, что свидетельствует о неопределенности в отношении восприятия веры.

В исследовании выявлено, что большинство респондентов малорелигиозны, но считают себя духовными людьми. Это расходится с результатами исследования Р.В. Худ, С.Б. Свенсон, в котором показано, что меньшинство молодых людей из различных стран идентифицирует себя как духовных, но не религиозных [36]. В нашем исследовании признаваемая респондентами духовность сочетается с такими ценностями, как «Культура», «Природа», «Я», что сопоставимо с исследованиями Г. Кожухарь, А. Белоусова, М.А. Хачатрян [25; 41].

В работе Е.С. Элбакян отмечено, что около трети опрошенных (случайная выборка населения городов России) считают себя верующими и заявляют о своей принадлежности к традиционным религиозным направлениям России либо сообщают о своей внеконфессиональной религиозности [27]. С.С. Малявина пишет о наличии эклектичной религиозности современной молодежи Северного Кавказа [11]. Наш результат показал наличие противоречивых тенденций в проявлениях религиозности представителей поколений Y и Z г. Ростова-на-Дону.

Проводимые в мире исследования показали, что больше всего религиозных/духовных респондентов было зафиксировано в Аргентине, Мальте, США и Индии. В Японии, Швеции, Франции и Норвегии эти показатели заметно ниже [44]. Наше исследование не является настолько масштабным, чтобы утверждать низкий уровень религиозности молодых людей в Российской Федерации. Однако репрезентативность нашей выборки позволяет нам сделать вывод на уровне региона — г. Ростова-на-Дону.

В исследовании И.А. Савченко, С.В. Устинкина установлено, что 80% студентов Нижегородской области не считают себя религиозными, поскольку быть религиозным не модно. При этом 41% респондентов уважительно относятся к христианству [18]. Этот результат сопоставим с нашими результатами, полученными на исследованиях студентов (представителей поколения Y) г. Ростова-на-Дону. При малой религиозности студенты и старшеклассники в нашем исследовании верили в объекты веры. Это сочетается с результатами другого исследования [20]. Для большинства православной молодежи религиозность является формальной, не оказывает глубокого влияния на их повседневное поведение [21]. В некоторых исследованиях выявлен территориальный фактор в проявлениях религиозности молодежи Северного Кавказа, подавляющее большинство опрошенных респондентов считают себя «верующими людьми» [10].

Ограничения исследования связаны с объемом и характером выборки.

Направления будущих исследований. В дальнейшем планируется исследовать внутреннюю и внешнюю религиозность представителей поколений различных конфессий.

Выводы

1. Сущность поколенческого подхода в рассмотрении религиозности и веры

молодежи заключается в том, что можно осмыслить возможность преемственности или прерывания религиозности и веры между поколениями.

2. Новым результатом является то, что по всем прогнозам у представителей «Нового» (Z) поколения хотя и проявилась инновационная ментальность, но архетипы находятся в традиции, что может являться основанием для предположения, что у них особое отношение к религии. Установлено, что у представителей «Нового» поколения в большей степени выражены религиозная вера, выбор в пользу духовности, а также вера в чудеса.

3. Ценностные основания религиозности и веры у представителей «Информационного» (Y) и «Нового» (Z) поколений совпадают по ценности «Природа», однако существуют отличия в значимости отдельных категорий ценностей «Мистическое» и «Культура».

4. Обнаружена слабая религиозность в обеих группах, при этом отдельные члены семей респондентов приверженцы православной веры. Установлены противоречие между верой в объекты веры (сильна), духовностью (приписывают себе) и религиозностью (отрицают) и расхождение в семейной структуре вероисповедания. Это может свидетельствовать о незрелой религиозности респондентов, при этом проявляется достаточная деструктивная вера в заговоры. Мы предполагаем, что религиозность переходит в иные формы, например, эклектичные.

Литература

1. *Бауман З.* Текучая современность. СПб.: Питер, 2008. 238 с.
2. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
3. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
4. *Василюк Ф.Е.* Переживание и молитва. Опыт общепсихологического исследования. М.: Смысл, 2005. 190 с.

5. Вебер М. Социология религии (Типы религии) // Вебер М. Избранное. Образ общества / пер. с нем. М.: Юрист, 1994. С. 78–308.
6. Вера. Этнос. Нация: Религиозный компонент этнического сознания / Ред. кол.: М.П. Мчедлов (отв. ред.), Ю.А. Гаврилов, В.В. Горбунов и др. М: Культурная революция, 2007. 368 с.
7. Генон Р. Очерки о традиции и метафизике. СПб.: Азбука, 2000. 317 с.
8. Джабраилова А.Ш. Архетипы в религии: функции и методы исследования // Политематический сетевой электронный научный журнал КубГАУ. 2017. Том 127. № 3. С. 996–1009. DOI:10.21515/1990-4665-127-071
9. Джеймс У. Многообразие религиозного опыта. Исследование человеческой природы / Пер. с англ. В.Г. Малахиейвой-Мирович, М.В. Шик, под ред. С.В. Лурье. М.: Академический проект, 2017. 415 с.
10. Магомедова М.З. Особенности религиозной идентификации мусульман Северного Кавказа // Религиоведение. 2020. № 2. С. 99–108. DOI:10.22250/2072-8662.2020.2.99-108
11. Малявина С.С. Религиозность личности: психологический анализ: монография. Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2019. 116 с.
12. Марцинковская Т.Д., Юрченко Н.И. Проблема совладания в транзитивном обществе // Психологические исследования. 2016. Том 9. № 49. С. 9. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 31.07.2020).
13. Обухова Л.Ф. Возрастная психология. М.: Изд-во ЮРАЙТ; МГППУ, 2011. 469 с.
14. Пищик В.И. Ментальность российских поколений южного региона // Историогенез и современное состояние российского менталитета. Выпуск 2 / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова, Е.Н. Холондович. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 330–338.
15. Пищик В.И. Ценностные измерения поколений через актуализируемые страхи // Социальная психология и общество. 2019. Том 10. № 2. С. 67–81. DOI:10.17759/sps.2019100206
16. Радаев В.В. Миллениалы: Как меняется российское общество. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 224 с.
17. Савченко И.А., Снегирева Л.А., Устинкин С.В. Трансформации молодежного религиозного сознания: тенденции и противоречия // Власть. 2017. Том 25. № 5. С. 29–35.
18. Савченко И.А., Устинкин С.В. Религия в восприятии современной молодежи: цифры и комментарии // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). Modern Research of Social Problems. 2016. Том 7. № 63. С. 232–263. DOI:10.12731/2218-7405-2016-7-232-263
19. Семенов В.Е. Молодежь создает вокруг себя мутную религиозную среду [Электронный ресурс] // ДелоРус в материалах «Русской народной линии». 11.03.2010. URL: http://www.delorus.com/good/index.php?ELEMENT_ID=3504 (дата обращения: 08.05.2020).
20. Субботский Е.В. Верую, потому что абсурдно: Магия религии // Психолог. 2015. № 6. С. 76–115. DOI:10.7256/2409-8701.2015.6.14239
21. Сушко В.А., Васенина И.В. Религиозность современной российской молодежи как фактор формирования семейных ценностей // Социодинамика. 2019. № 1. С. 122–137. DOI:10.25136/2409-7144.2019.1.28692
22. Титов Р.С. Концепция индивидуальной религиозности Г. Олпорта: понятие религиозных ориентаций // Культурно-историческая психология. 2013. Том 9. № 1. С. 2–12.
23. Узланер Д. Конец религии? История теории секуляризации. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 240 с.
24. Федотова М.Г. Означивание социальной информации как фактор стабилизации транзитивных обществ Европы, Азии и Евразии: Монография. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2015. 140 с.
25. Хачатрян М.А. Ценности и атрибутивные процессы в социальном познании // Социальная психология и общество. 2014. Том 5. № 1. С. 84–97.
26. Шорохова В.А. Религиозная идентичность в зарубежных психологических исследованиях: теоретические модели и способы изучения // Социальная психология и общество. 2014. Том 5. № 4. С. 44–61.

27. *Элбакян Е.С.* Новые религиозные движения эпохи постмодерна: динамика организаций нью эйдж (на примере организации «Радастея») // Религиоведение. 2018. № 1. С. 36–51. DOI:10.22250/2072-8662.2018.1.36-51
28. *Яковлева М.Н.* Динамика ценностных ориентаций современной молодежи // Смыслы жизни российской интеллигенции / Под общей ред. Ж.Т. Тощенко. Редактор-составитель Д.Т. Цибикова. М.: РГГУ, 2018. С. 212–219.
29. *Allport G.W., Ross J.M.* Personal religious orientation and prejudice // Journal of Personality and Social Psychology. 1967. Vol. 5. P. 432–443. DOI:10.1037/h0021212
30. *Bauman Z.* 44 Letters from the Liquid Modern World. Cambridge, UK; Malden, MA: Polity Press, 2010. 188 p.
31. *Berger P.* Reflections on the sociology of religion today // Sociology of Religion. 2001. Vol. 62. № 4. P. 443–454.
32. *Brambilla M., Assor A.* Chapter 6: Understanding the psychology of religion: the contribution of self-determination theory. The Science of Religion, Spirituality, and Existentialism. 2020. P. 83–90. DOI:10.1016/B978-0-12-817204-9.00007-X
33. *Cottingham J.* Philosophy of Religion: Towards a More Humane Approach (Cambridge Studies in Religion, Philosophy, and Society). Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 1–24 DOI:10.1017/CBO9781139094627
34. *Donelson E.* Psychology of religion and adolescents in the United States: past to present // Journal of Adolescence. 1999. Vol. 22. № 2. P. 187–204. DOI:10.1006/jado.1999.0212
35. *Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M.* Cultures and Organizations: Software of the Mind (Rev. 3rd ed.). New York: McGraw-Hill, 2010. 576 p. For translations see www.geerthofstede.nl
36. *Hood R.W., Swanson S.B.* Psychology of Religion. Reference Module in Neuroscience and Biobehavioral Psychology. 2018. P. 201–208 DOI:10.1016/B978-0-12-809324-5.21942-1
37. *Johnstone B., Cohen D.* Chapter 6: Faith Traditions, Spiritual Transcendence, and Selflessness. Neuroscience, Selflessness, and Spiritual Experience. 2019. P. 109–129. DOI:10.1016/B978-0-08-102218-4.00006-7
38. *Kidd M.A.* Archetypes, Stereotypes and Media Representation in a Multi-cultural Society // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2016. Vol. 236. P. 25–28. DOI:10.1016/j.sbspro.2016.12.007
39. *Kirchmaier I., Prüfer J., Trautmann S.T.* Religion, moral attitudes and economic behavior // Journal of Economic Behavior & Organization. 2018. Vol. 148. P. 282–300. DOI:10.1016/j.jebo.2018.02.022
40. *Kosher H., Ben-Arieh A.* Religion and subjective well-being among children: A comparison of six religion groups // Children and Youth Services Review. 2017. Vol. 80. P. 63–77. DOI:10.1016/j.childyouth.2017.06.049
41. *Kozhukhar G., Belousova A.* How value orientations of students can predict the characteristics of their social cognition? Conference name: 9th International Conference on Education and New Learning Technologies. 3–5 July, Barcelona, Spain. 2017. P. 5791–5796. DOI:10.21125/edulearn.2017.2311
42. *Laeheem K.* Causal relationships between religion factors influencing ethical behavior among youth in the three southern border provinces of Thailand // Children and Youth Services Review. 2020. Vol. 108. Article 104641. DOI:10.1016/j.childyouth.2019.104641
43. *Liquin E.G., Metz S.E., Lombrozo T.* Science demands explanation, religion tolerates mystery // Cognition. 2020. Vol. 204. Article 104398. DOI:10.1016/j.cognition.2020.104398
44. *Moons P., Luyckx K., Dezutter, Kovacs A.H.* et al. the International Society for Adult Congenital Heart Disease (ISACHD) Religion and spirituality as predictors of patient-reported outcomes in adults with congenital heart disease around the globe // International Journal of Cardiology. 2019. Vol. 274. P. 93–99. DOI:10.1016/j.ijcard.2018.07.103
45. *Noh Y.-E., Shahdan S.* A systematic review of religion/spirituality and sport: A psychological perspective // Psychology of Sport and Exercise. 2020. Vol. 46. Article 101603. DOI:10.1016/j.psychsport.2019.101603

46. Olenich T.S., Maslova Y.V., Klimenko T.M., Zakharova V.A., Astashova A.I. Eco-legal education and religious values: The opportunities of convergence // EKOLOJI. 2019. Vol. 28. № 107. P. 5045–5048.
47. Ponder L.S. Intergenerational and Personal Connectedness: Held Together in Christian Faith // Journal of Psychology and Theology. 2018. Vol. 46. № 2. P. 133–139. DOI:10.1177/0091647118767989
48. Rassadnev E.S. Spirituality as a basis for shaping and keeping national identity in contemporary globalized space // ASTRA SALVENSIS. 2018. Vol. 6. P. 433–442.
49. Rudenko A.M., Rodionova V.I., Stepanova V.N. Social fears in the context of security concern: Social and philosophical analysis // Advances in Intelligent Systems and Computing. 2019. Vol. 726. P. 1144–1155. DOI:10.1007/978-3-319-90835-9_129
50. Spineto N. The notion of archetype in Eliade's writings // Religion. 2008. Vol. 38(4). P. 366–374. DOI:10.1016/j.religion.2008.07.001
51. Triandis H.C. Collectivism and Individualism: Cultural and Psychological Concerns // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences (Second Edition). 2015. P. 206–210. DOI:10.1016/B978-0-08-097086-8.24008-7
52. Twenge J.M. iGen: Why today's super-connected kids are growing up less rebellious, more tolerant, less happy- and completely unprepared for adulthood and what that means for the rest of us. New York, NY: Atria Books, 2017. 352 p.
53. Watts F. Psychology, Religion, and Spirituality: Concepts and Applications (Cambridge Studies in Religion, Philosophy, and Society). Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 211 p. DOI:10.1017/9781107360549

References

1. Bauman Z. Tekuchaya sovremennost' [Fluid modernity]. Saint-Petersburg: Piter, 2008. 238 p. (In Russ.).
2. Bek U. Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu [Risk Society. On the way to another modernity]. Moscow: Progress-Tradition, 2000. 384 p. (In Russ.).
3. Berger P., Lukman T. Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya [Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge]. Moscow: Medium, 1995. 323 p. (In Russ.).
4. Vasilyuk F.E. Perezhivaniye i molitva. Opyt obshchepsikhologicheskogo issledovaniya [Experience and prayer. Experience of general psychological research]. Moscow: Meaning, 2005. 190 p. (In Russ.).
5. Veber M. Sotsiologiya religii (Tipy religii) [Sociology of religion (Types of religion)]. Veber M. Izbrannoe. Obraz obshchestva [Favorites. The image of society]. Moscow: Lawyer, 1994, pp. 78–308. (In Russ.).
6. Vera. Etnos. Natsiya: Religiozniy komponent etnicheskogo soznaniya [Faith. Ethnos. Nation: Religious component of ethnic consciousness]. Moscow: Cultural revolution, 2007. 368 p. (In Russ.).
7. Genon R. Ocherki o traditsii i metafizike [Essays on tradition and metaphysics]. Saint Petersburg: Alphabet, 2000. 317 p. (In Russ.).
8. Dzhabrailova A.Sh. Arkhetipy v religii: funktsii i metody issledovaniya [Archetypes in religion: functions and methods of research]. *Politematicheskii setevoi elektronnyi nauchnyi zhurnal KubGAU = Polythematic network electronic scientific journal of KubSAU*, 2017. Vol. 127, no. 3, pp. 996–1009. DOI:10.21515/1990-4665-127-071 (In Russ.).
9. Dzheims U. Mnogoobrazie religioznogo opyta. Issledovaniye chelovecheskoi prirody [Diversity of Religious Experience. Study of human nature]. Moscow: Academic project, 2017. 415 p. (In Russ.).
10. Magomedova M.Z. Osobennosti religioznoi identifikatsii musul'man Severnogo Kavkaza [Features of the religious identification of Muslims of the North Caucasus]. *Religiovedenie = Religious Studies*, 2020, no. 2, pp. 99–108. DOI:10.22250/2072-8662.2020.2.99-108 (In Russ.).

11. Malyavina S.S. Religioznost' lichnosti: psikhologicheskii analiz [Religiosity of personality: psychological analysis]. Volgograd: Izd-vo Volgogradskogo instituta upravleniya, filiala RANKhiGS, 2019. 116 p. (In Russ.).
12. Martsinkovskaya T.D., Yurchenko N.I. Problema sovladaniya v tranzitivnom obshchestve [The problem of coping in a transitive society]. *Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological research*, 2016. Vol. 9, no. 49, p. 9. URL: <http://psystudy.ru> (Accessed 31.07.2020). (In Russ.).
13. Obukhova L.F. Vozrastnaya psikhologiya [Age psychology]. Moscow: YURAYT Publishing House; MSPPU, 2011. 460 p. (In Russ.).
14. Pishchik V.I. Mental'nost' rossiiskikh pokolenii yuzhnogo regiona [Mentality of Russian generations of the southern region]. Istoriogenez i sovremennoe sostoyanie rossiiskogo mentaliteta [Historiogenesis and the current state of the Russian mentality]. Moscow: Publishing house of the Russian Academy of Sciences, 2016. Issue 2, pp. 330–338. 454 p. (In Russ.).
15. Pishchik V.I. Tsennostnye izmereniya pokolenii cherez aktualiziruemye strakhi [Value measurements of generations through actualized fears]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social psychology and society*, 2019. Vol. 10, no. 2, pp. 67–81. DOI:10.17759/sps.2019100206 (In Russ.).
16. Radaev V.V. Millenialy: Kak menyaetsya rossiiskoe obshchestvo [Millennials: How Russian society is changing]. Moscow: Higher school of Economics publishing house, 2019. 224 p. (In Russ.).
17. Savchenko I.A., Snegireva L.A., Ustinkin S.V. Transformatsii molodezhnogo religioznogo soznaniya: tendentsii i protivorechiya [Transformation of youth religious consciousness: tendencies and contradictions]. *Vlast' = Power*, 2017. Vol. 25, no. 5, pp. 29–35. (In Russ.).
18. Savchenko I.A., Ustinkin S.V. Religiya v vospriyatii sovremennoi molodezhi: tsifry i kommentarii [Religion in the perception of modern youth: figures and comments]. *Sovremennyye issledovaniya sotsial'nykh problem = Modern Research of Social Problems*, 2016. Vol. 7, no. 63, pp. 232–263. DOI:10.12731/2218-7405-2016-7-232-263 (In Russ.).
19. Semenov V.E. Molodezh' sozdaet vokrug sebya mutnuyu religioznuyu sredu [Youth creates a muddy religious environment around them]. *DeloRus v materialakh "Russkoi narodnoi linii" = DeloRus in the materials of the "Russian People's Line"*. 11.03.2010. URL: http://www.delorus.com/good/index.php?ELEMENT_ID=3504 (Accessed 08.05.2020). (In Russ.).
20. Subbotskii E.V. Veruyu, potomu chto absurdno: Magiya religii [Believe, because it is absurd: The magic of religion]. *Psikholog = Psychologist*, 2015, no. 6, pp. 76–115. DOI:10.7256/2409-8701.2015.6.14239 (In Russ.).
21. Sushko V.A., Vasenina I.V. Religioznost' sovremennoi rossiiskoi molodezhi kak faktor formirovaniya semeinykh tsennostei [Religiousness of modern Russian youth as a factor in the formation of family values]. *Sotsiodinamika = Sociodynamics*, 2019, no. 1, pp. 122–137. DOI:10.25136/2409-7144.2019.1.28692 (In Russ.).
22. Titov R.S. Kontseptsiya individual'noi religioznosti G. Olporta: ponyatie religioznykh orientatsii [The concept of individual religiosity by G. Allport: the concept of religious orientations]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2013. Vol. 9, no. 1, pp. 2–12. (In Russ.).
23. Uzlaner D. Konets religii? Istoriya teorii sekulyarizatsii [The End of Religion? History of the theory of secularization]. Moscow: Higher school of Economics publishing house, 2019. 240 p. (In Russ.).
24. Fedotova M.G. Oznachivanie sotsial'noi informatsii kak faktor stabilizatsii tranzitivnykh obshchestv Evropy, Azii i Evrazii [Significance of social information as a factor of stabilization of the transitional societies of Europe, Asia and Eurasia]. Omsk: Publishing house of Omsk state technical University, 2015. 140 p. (In Russ.).
25. Khachatryan M.A. Tsennosti i atributivnye protsessy v sotsial'nom poznanii [Values and attributive processes in social cognition]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social psychology and society*, 2014. Vol. 5, no. 1, pp. 84–97. (In Russ.).
26. Shorokhova V.A. Religioznaya identichnost' v zarubezhnykh psikhologicheskikh issledovaniyakh: teoreticheskie modeli i sposoby izucheniya [Religious identity in foreign

- psychological research: theoretical models and methods of study]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* = *Social psychology and society*, 2014. Vol. 5, no. 4, pp. 44–61. (In Russ.).
27. Elbakyan E.S. Novye religioznye dvizheniya epokhi postmoderna: dinamika organizatsii n'yu eidzh (na primere organizatsii «Radasteya») [New religious movements of the postmodern era: the dynamics of new age organizations (on the example of the organization “Radasteya”)]. *Religiovedenie* = *Religious Studies*, 2018, no. 1, pp. 36–51. DOI:10.22250/2072-8662.2018.1.36-51 (In Russ.).
28. Yakovleva M.N. Dinamika tsennostnykh orientatsii sovremennoi molodezhi [Dynamics of value orientations of modern youth]. *Smysly zhizni rossiiskoi intelligentsii* [Meaning of life of the Russian intelligentsia]. Moscow: RSHU, 2018, pp. 212–219. (In Russ.).
29. Allport G.W., Ross J.M. Personal religious orientation and prejudice. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1967. Vol. 5, pp. 432–443. DOI:10.1037/h0021212
30. Bauman Z. *44 Letters from the Liquid Modern World*. Cambridge, UK; Malden, MA: Polity Press, 2010. 188 p.
31. Berger P. Reflections on the sociology of religion today. *Sociology of Religion*, 2001. Vol. 62, no. 4, pp. 443–454.
32. Brambilla M., Assor A. Chapter 6: Understanding the psychology of religion: the contribution of self-determination theory. *The Science of Religion, Spirituality, and Existentialism*. 2020, pp. 83–90. DOI:10.1016/B978-0-12-817204-9.00007-X
33. Cottingham J. *Philosophy of Religion: Towards a More Humane Approach* (Cambridge Studies in Religion, Philosophy, and Society). Cambridge: Cambridge University Press, 2014, pp. 1–24. DOI:10.1017/CBO9781139094627
34. Donelson E. Psychology of religion and adolescents in the United States: past to present. *Journal of Adolescence*, 1999. Vol. 22, no. 2, pp. 187–204. DOI:10.1006/jado.1999.0212
35. Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M. *Cultures and Organizations: Software of the Mind* (Rev. 3rd ed.). New York: McGraw-Hill, 2010. 576 p. For translations see www.geerthofstede.nl
36. Hood R.W., Swanson S.B. Psychology of Religion. Reference Module in Neuroscience and Biobehavioral Psychology. 2018, pp. 201–208. DOI:10.1016/B978-0-12-809324-5.21942-1
37. Johnstone B., Cohen D. Chapter 6: Faith Traditions, Spiritual Transcendence, and Selflessness. *Neuroscience, Selflessness, and Spiritual Experience*. 2019, pp. 109–129. DOI:10.1016/B978-0-08-102218-4.00006-7
38. Kidd M.A. Archetypes, Stereotypes and Media Representation in a Multi-cultural Society. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2016. Vol. 236, pp. 25–28. DOI:10.1016/j.sbspro.2016.12.007
39. Kirchmaier I., Prüfer J., Trautmann S.T. Religion, moral attitudes and economic behavior. *Journal of Economic Behavior & Organization*, 2018. Vol. 148, pp. 282–300. DOI:10.1016/j.jebo.2018.02.022
40. Kosher H., Ben-Arieh A. Religion and subjective well-being among children: A comparison of six religion groups. *Children and Youth Services Review*, 2017. Vol. 80, pp. 63–77. DOI:10.1016/j.childyouth.2017.06.049
41. Kozhukhar G., Belousova A. How value orientations of students can predict the characteristics of their social cognition? Conference name: 9th International Conference on Education and New Learning Technologies. 3–5 July, Barcelona, Spain. 2017, pp. 5791–5796. DOI:10.21125/edulearn.2017.2311
42. Laeheem K. Causal relationships between religion factors influencing ethical behavior among youth in the three southern border provinces of Thailand. *Children and Youth Services Review*, 2020. Vol. 108. Article 104641. DOI:10.1016/j.childyouth.2019.104641
43. Liquin E.G., Metz S.E., Lombrozo T. Science demands explanation, religion tolerates mystery. *Cognition*, 2020. Vol. 204. Article 104398. DOI:10.1016/j.cognition.2020.104398
44. Moons P., Luyckx K., Dezutter J., Kovacs A.H. et al. the International Society for Adult Congenital Heart Disease (ISACHD) Religion and spirituality as predictors of patient-reported

- outcomes in adults with congenital heart disease around the globe. *International Journal of Cardiology*, 2019. Vol. 274, pp. 93–99. DOI:10.1016/j.ijcard.2018.07.103
45. Noh Y.-E., Shahdan S. A systematic review of religion/spirituality and sport: A psychological perspective. *Psychology of Sport and Exercise*, 2020. Vol. 46. Article 101603. DOI:10.1016/j.psychsport.2019.101603
46. Olenich T.S., Maslova Y.V., Klimenko T.M., Zakharova V.A., Astashova A.I. Eco-legal education and religious values: The opportunities of convergence. *EKOLOJI*, 2019. Vol. 28, no. 107, pp. 5045–5048.
47. Ponder L.S. Intergenerational and Personal Connectedness: Held Together in Christian Faith. *Journal of Psychology and Theology*, 2018. Vol. 46, no. 2, pp. 133–139. DOI:10.1177/0091647118767989
48. Rassadnev E.S. Spirituality as a basis for shaping and keeping national identity in contemporary globalized space. *ASTRA SALVENSIS*, 2018. Vol. 6, pp. 433–442.
49. Rudenko A.M., Rodionova V.I., Stepanova V.N. Social fears in the context of security concern: Social and philosophical analysis. *Advances in Intelligent Systems and Computing*, 2019. Vol. 726, pp. 1144–1155. DOI:10.1007/978-3-319-90835-9_129
50. Spineto N. The notion of archetype in Eliade's writings. *Religion*, 2008. Vol. 38, no. 4, pp. 366–374. DOI:10.1016/j.religion.2008.07.001
51. Triandis H.C. Collectivism and Individualism: Cultural and Psychological Concerns. *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences* (Second Edition), 2015, pp. 206–210. DOI:10.1016/B978-0-08-097086-8.24008-7
52. Twenge J.M. *iGen: Why today's super-connected kids are growing up less rebellious, more tolerant, less happy- and completely unprepared for adulthood and what that means for the rest of us*. New York, NY: Atria Books, 2017. 352 p.
53. Watts F. *Psychology, Religion, and Spirituality: Concepts and Applications* (Cambridge Studies in Religion, Philosophy, and Society). Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 211 p. DOI:10.1017/9781107360549

Информация об авторах

Пищик Влада Игоревна, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии образования и организационной психологии, ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» (ФГБОУ ВО ДГТУ); ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (ФГАОУ ВО ЮФУ), г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3909-3895>, e-mail: vladaph@yandex.ru

Лобачева Анастасия Олеговна, документовед кафедры социальной педагогики, ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» (ФГБОУ ВО ДГТУ), г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6582-9125>, e-mail: nastya.lobacheva.18@bk.ru

Information about the authors

Vlada I. Pishchik, Doctor of Psychology, Professor of the Department of Educational Psychology and Organizational Psychology, Don State Technical University; Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3909-3895>, e-mail: vladaph@yandex.ru

Anastasia O. Lobacheva, Document Specialist of the Department of Social Pedagogy, Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6582-9125>, e-mail: nastya.lobacheva.18@bk.ru

Получена 11.11.2020

Принята в печать 28.01.2022

Received 11.11.2020

Accepted 28.01.2022